

УДК 94(47+57)

«КЛАМАРСКИЙ РАСКОЛ» В ИСТОРИИ ЕВРАЗИЙСТВА: ВЫЯВЛЕНИЕ И АНАЛИЗ ПРИЧИН*Е. В. Никитенко***«KLAMARSKY SPLIT» IN THE HISTORY OF EURASIANISM: REVEALING AND THE ANALYSIS OF THE REASONS***E. V. Nikitenko*

Статья посвящена выявлению и анализу причин «Кламарского раскола». Известно, что события конца 1928 г. – начала 1929 г. (Кламарский раскол) привели к расколу евразийского движения. Установлено, что ряд факторов способствовал данному процессу, начиная с середины 1920-х гг.: сотрудничество с чекистской организацией под кодовым названием «Трест», с группой А. П. Кутепова, личное общение некоторых представителей евразийства с советскими гражданами, а именно – с М. Горьким.

This article is devoted to revealing and the analysis of the reasons of the «Klamarsky split». It is known that events of the end of 1928 - the beginnings of 1929 (Klamarsky split) have led to split of the Euroasian movement. It is established that several factors promoted to this process, since the middle of 1920th: cooperation with the organization, which code-named was "Trust", with group A.P. Kutepov, personal contact of some representatives of eurasionism with the Soviet citizens, for example with soviet writer M. Gorkim.

Ключевые слова: евразийство, Кламарский раскол, пражское отделение, парижское отделение, организация «Трест».

Keywords: eurasionism, Klamar's split, Prague's department, Paris's department, organization of «Trest».

Евразийство – идеологическое движение, возникшее в 1921 году в среде русской эмиграции. В становлении и развитии евразийского движения следует выделить несколько этапов. И именно период конца 1920-х гг. стал переломным в истории евразийства. События конца 1928 – начала 1929 гг. привели к расколу в движении, дискредитации в среде русской эмиграции. События, известные в истории как «кламарский раскол» связаны с работой над выходом официального печатного органа газеты «Евразия». Противоречия, сложившиеся между пражским и парижским центрами, касались содержания газеты [4, 6, 9]. В ней проводились прокоммунистические идеи в разрез с идеями ортодоксального евразийства, которые отстаивало пражское отделение во главе с П. Н. Савицким.

Обращаясь к изучению истории раскола в евразийском движении, к событиям, которые привели к противостоянию двух старейших центров, пражского и парижского, представляется важным выявить причины, которые привели к возникновению противоречий среди партийного руководства, лидеров евразийства, а также левоуклонистских тенденций в движении.

Изучение вопроса «кламарского раскола» связано с рядом трудностей. Отметим, что одновременно это событие и хорошо известное и плохо документировано внешне. Архивные материалы из личного фонда П. Н. Савицкого включают непосредственно как воспоминания и заметки лидера пражского центра, по сути, создавшего и возглавившего оппозиционную коалицию по отношению к «Кламару», так и записи, сделанные соратниками П. Н. Савицкого, К. А. Чхеидзе, Н. А. Дунаева, Н. Н. Алексеева [6, 9, 15]. Со слов самого П. Н. Савицкого, основные противоречия и споры рождались в личных устных беседах с представителями кламарской группировки, что соответственно невозможно было задокументировать. Тем не менее, П. Н. Савицкий, как показывают архивные докумен-

ты, делал пометки в записной книжке, отмечая важнейшие моменты разговоров для дальнейшей обработки и письменного восстановления бесед.

К возможным факторам, спровоцировавшим в дальнейшем левоуклонистские тенденции в евразийстве, относится сотрудничество с организацией «Трест». Поездки в Россию лидеров движения и других евразийцев в середине 1920-х гг. организовывались не без участия, а иногда и посредством финансирования этой организации. В изучении вопроса сотрудничества с «Трестом» важным источником является собрание С. Л. Войцеховского, хранящееся в архиве Гуверовского института в Стэнфорде. Как отмечает И. Д. Шевеленко, имя С. Л. Войцеховского связывается с крупнейшей провокацией ГПУ 1920-х годов – так называемым Монархическим Объединением Центральной России (МОЦР) или «Трестом». Вовлеченный в эту деятельность евразийцем, одновременно и монархистом Ю. А. Артамоновым и благодаря ему, С. Л. Войцеховский познакомился с работами евразийцев и в декабре 1924 г. вступил в переписку с П. Н. Савицким [16, с. 376]. Переписка, судя по архивным данным, оборвалась лишь к осени 1933 года. Организационно С. Л. Войцеховский не считал себя связанным с евразийством. Но по замечанию И. Д. Шевеленко, данные личного архива С. Л. Войцеховского не оставляют сомнений в том, что в обстоятельства евразийской работы он был посвящен достаточно хорошо [16, с. 376]. Кроме того, переписка между П. С. Араповым и П. Н. Савицким, а также постановления руководящих органов евразийства в период 1924 – 1926 гг. («Совета Пяти», «Совета Семи») позволяет выявить практические задачи, которые ставили перед собой евразийцы в целях распространения собственных идей и какую роль они отводили организации «Трест».

Работа по проникновению в евразийскую среду органов ГПУ велась посредством Монархической организации Центральной России (МОЦР), где ей

было дано кодовое название «Трест». Причем, как отмечает С. Л. Войцеховский, МОЦР как тайное объединение, организованное в Москве, в период налаживания контактов с эмиграцией, возглавлялось советскими агентами. Агентами являлись: бывший генерал-лейтенант А. М. Зайончковский, генерал-майор Н. М. Потапов, статский советник А. А. Якушев [4, с. 7]. Этих же людей называет и Б. Пряшников, занимавших руководящие посты в «Тресте» [14, с. 68 – 70].

Нельзя однозначно утверждать было ли это Объединение сразу создано как легенда, или состояло из действительных монархистов и стала ею после проникновения А. А. Якушева и Н. М. Потапова. Тем не менее, уже с ноября 1921 года связь с эмигрантами была налажена. Контакты с евразийцами были установлены через евразийца Ю. А. Артамонова, который встречался с А. А. Якушевым в Ревеле [14]. Отметим, что, в первую очередь, А. А. Якушев обратил внимание как раз на евразийцев Ю. А. Артамонова и П. С. Арапова. Далее началось внедрение в евразийскую среду через А. А. Лангового, человека, сведущего в философских течениях, истинного интеллигента. А. А. Якушевым, в свою очередь, инициировались поездки в Москву, куда он ездил вместе с П. С. Араповым, сведя его с А. А. Ланговым, лидером евразийской фракции «Трест» [8, с. 117]. Кроме того, воспоминания С. Л. Войцеховского указывают на тот факт, что и поездки одного из лидеров движения П. Н. Савицкого в Москву также осуществлялись при содействии МОЦР [4, с. 29].

Как отмечает Б. Пряшников в книге «Незримая паутина», сотрудниками ОГПУ организовывались совещания евразийской фракции, распределялись роли, заучивались тексты для убедительности и правдоподобности. Высказывались совершенно разные мнения о судьбе России, но при этом акцент делался на необходимости сближения евразийцев с руководством «Треста» [14, с. 69]. Когда весной 1924 г. П. С. Арапов находился в Москве, состоялось знакомство с руководителями организации, монархистами-чекистами А. Д. Зайончковским, Н. М. Потаповым. Как отмечает Б. Пряшников, в Берлин П. С. Арапов вернулся «очарованным всем виденным и слышанным» [14, с. 70]. Именно по протекции П. С. Арапова А. А. Ланговой, по приезду в Берлин, принимал участие в Первом евразийском съезде в январе 1925 г. На съезде присутствовали виднейшие евразийцы – П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Д. П. Святополк-Мирский, П. П. Сувчинский и другие. При этом А. А. Ланговой выступал с докладом в тон идеям и настроениям евразийцев и постановлением съезда был введен в состав совета евразийцев [14, с. 70]. В период 1924 – 1927 гг. сотрудники МОЦР установили достаточно тесные контакты с представителями евразийства.

Мы не будем акцентировать внимание на истории существования «Треста», на подробностях деятельности организации. Представляется важным выявить степень внедрения в евразийскую среду и возможность воздействия на проводимую евразий-

цами политику. В этой связи следует отметить факт содействия МОЦР конспиративным поездкам евразийцев в Москву. Об этом упоминает С. Л. Войцеховский: о поездках П. Н. Савицкого, П. С. Арапова [4, с. 29]. Б. Пряшников не раз упоминает о том, что организацию поездок евразийцев в Россию брал на себя «Трест» [14]. Понятно, что это осуществлялось в интересах самих же чекистов. Но тем самым для евразийцев выстраивались возможные пути сотрудничества с соотечественниками. А это способствовало реализации поставленных целей по продвижению и пропаганде евразийских идей. При этом евразийцы верили в реальную возможность распространения идеологии не только в Москве, но и в других российских городах. Подобное содействие как минимум располагало к благосклонному отношению к МОЦР и придавало веры в возможность существования евразийской организации в России. Помощник начальника КРО ОГПУ В. А. Стырне утверждает, что влияние Треста на евразийство определено и провести через евразийство возможно любой вопрос [7, с. 251].

Отношения евразийцев с «Трестом» поддерживались на протяжении 1924 – 1927 гг., до самого разоблачения организации. Особенно тесные отношения были между А. А. Ланговым и П. С. Араповым [4, с. 56]. В архиве С. Л. Войцеховского имеются письма и телеграммы П. С. Арапова. Кроме того, как отмечает С. Л. Войцеховский, к евразийцу Ю. А. Артамонову «Трест» неоднократно проявлял доброжелательное внимание. Так, например, Ю. А. Артамонову предоставлялся от «Треста» отпуск в Югославию для встречи с родителями, также высылались дорогие подарки из Москвы [4, с. 71]. В целом основными действующими лицами в отношениях с МОЦР были евразийцы Ю. А. Артамонов и П. С. Арапов. О каких-либо постоянных контактах и переписке лидеров евразийства П. Н. Савицкого, Н. Трубецкого, П. П. Сувчинского С. Л. Войцеховский практически не упоминает. Но участие чекистов, выдававших себя за сторонников евразийцев, в проводившихся съездах не вызывает сомнения [4, 5, 14].

Распорядительный центр в Москве, на который возлагали надежды евразийцы, несомненно, интересовался литературной и организационной работой, которую вели евразийцы среди эмигрантов. Постановления эмигрантских евразийцев для Распорядительного центра в Москве были не обязательны [1, с. 120]. Кроме того, в статье неизвестного автора (А. Б.) «Евразийцы и Трест», написанной в 1928 году, а напечатанной в журнале «Возрождение» в 1953 году, подчеркивается обязательный характер для исполнения евразийцами директив, которые давал Распорядительный центр в Москве [1, с. 120]. Интересен характер этих распоряжений. Как свидетельствует пересказ автором слов одного из евразийцев: «Центр», присылая директивы, «такое пишут, что напечатать никак невозможно, ... что пора забыть все и идти с коммунистами нога в ногу, и что коммунисты и есть новая сила, тот отбор, о котором говорят евразийцы» [1, с. 124]. О выполнении ди-

ректив из Москвы, а также о всяческом содействии деятельности «Треста», свидетельствует и отчет помощника начальника КРО ОГПУ В. А. Стырне, составленный в 1925 году [7, с. 251].

По мнению современников, евразийцам намекалось на сомнительность отношений с «Трестом», о том, что это не действительная Монархическая организация в России, а чекистская организация. Но как утверждали сами евразийцы, в июле 1926 г. в Москве от «Треста» отпочковался некий Распорядительный центр, который как раз и избавился от провокаторов. Именно с этим «Центром» евразийцы поддерживали и вели работу в соответствии с поставленными задачами [1, с. 120].

Отметим, что до 1926 г. действительных сомнений в характере монархической организации у евразийцев не возникало. Хотя и после, несмотря на существовавшие в эмиграции слухи, евразийцы поддерживали связь с Распорядительным центром в Москве, вплоть до полного разоблачения всего «Треста». Изначально для евразийцев «Трест» был неким окном, механизмом для прохождения границы, поездок в Россию. Свидетельством тому служит письмо П. С. Арапова, адресованное П. Н. Савицкому в июле 1924 г., высказавшего мысль о том, что «вся задача заключается в том, чтобы из «Треста» сделать нефтяную организацию («Нефтяная организация» – евразийская организация), способствующую разрешению нефтяных целей. Так как, по существу, «Трест» является очень хорошим механизмом, но без души, то такой механизм может явиться оружием в руках любой группировки, цели которой приблизительно совпадают с чисто практическими целями «Треста» – т. е. свержение коммунистической власти и установление монархии – нам надлежит этим положением воспользоваться» [2, л. 28 – 29].

Чекисты же посредством «Треста» кардинальным образом не воздействовали на политику евразийства. Проникновение в евразийские ряды было способом получения информации о контрреволюционной деятельности в эмиграции, диктовались необходимостью полной осведомленности о пропагандистской работе как в Европе, так и в России для выявления и ликвидации антисоветски настроенных граждан СССР [8, с. 118 – 119]. Об успешности сбора информации среди эмигрантских евразийских кругов свидетельствует докладная записка помощника начальника КРО ОГПУ В. А. Стырне начальнику КРО ОГПУ А. Х. Артузову о контрразведывательной операции «Трест». Кроме того, указывает на факт принятия двух «евразийцев» (чекистов) в евразийский совет (Совет Семи). При этом «полномочным решением считается решение, принятое в присутствии 5 человек, из коих один должен быть евразийцем, состоящим на службе «Треста» [7, с. 249]. Работа, которая велась по распространению евразийства в России, по сути, работа строго конспиративная, и допущение на руководящие посты членов «Треста» говорит о высокой степени доверия и вовлеченности «Треста» в евразийские дела. Также в отчет включена информация о резолюции

«Отношение к «Тресту», принятой евразийцами на совещании в январе 1925 года. Преследуя свои цели, евразийцы считают необходимым всячески поддерживать связь с «Трестом» и ему содействовать [7, с. 250]. В отчете резюмируется, что «Трест» сросся с евразийством и что влияние наше в евразийстве определено и провести через него мы можем любой вопрос, а отдельные члены евразийского совета выполняют наше поручение и окажут нам всяческое содействие» [7, с. 251].

Представляется сложным проследить, насколько велико было воздействие на проводимую евразийцами политику. Но то, что члены МОЦР («Треста») участвовали в евразийских совещаниях, в принятии определенных решений, говорит переписка самих евразийцев, воспоминания современников. [1, с. 123]. В вопросе о погруженности «Треста» в евразийские дела, о степени доверия евразийцев МОЦР, интересными представляются данные вышеупомянутой статьи «Евразийцы и «Трест». Автор сообщает о личной беседе с лидером движения, в которой сам П. Н. Савицкий упомянул о том, что у евразийцев существует некая внутривосточная организация для контрреволюционной борьбы и «евразийцы переправляют через нее 75 % всей, идущей из-за границы, литературы» [1, с. 117]. При этом со слов автора, евразийцами, да и П. Н. Савицким, подчеркивалась принадлежность «Треста» непосредственно евразийскому движению: «В начале этого года я узнал, что, примерно, в октябре 26 г. Савицкий при помощи своей организации ездил в Москву и благополучно вернулся через несколько дней» [1, с. 118].

Будь «Трест» действительно монархической организацией в России, то для евразийцев это был бы единственный способ их практической реализации на родине. «Трест» выступал бы в качестве организации, на которую возлагалась бы основная работа по пропаганде идей, а именно: передача литературы, организация конспиративных поездок в Россию. Со своей стороны евразийцы могли предложить лишь членство в организации. Но этого было бы мало, скорее, членство в евразийском совете, что и было сделано, включив в члены руководящего органа А. А. Лангового. Хотя в заметке о «Тресте» П. Н. Савицкого, написанной в 1937 году, говорится о заинтересованности евразийцев в развешиваемых А. А. Якушевым перспективах по проникновению евразийства в Россию, но при этом евразийцы отнюдь ему не доверяли [5, с. 254]. Отметим, что сама заметка является противоположностью Постановлению «Совета Пяти» об отношениях с «Трестом», датированному концом 1925 – началом 1926 гг. При этом П. Н. Савицкий являлся одним из членов Совета. Евразийцы доверяли «Тресту», считая организацию «организмом живым и здоровым, порожденным реальными условиями аргентинской действительности (Аргентинская действительность – российская действительность. Аргентина – Россия) и при этом единственной организацией, могущей произвести тот учет векселей (произвести учет векселей – способность реально работать), без которого осу-

ществление в Аргентине каких-либо культурных начинаний, а особенно нефтяных (нефтяных – евразийских), невозможно» [12, л. 72 – 74]. Так неистово евразийцы верили в необходимость и возможность прививания членам «Треста» евразийских идеологических установок, разрабатывая даже тактику по продвижению идей среди самих работников «Треста».

В апреле 1927 г. организация «Трест» была разоблачена бежавшим из Москвы чекистом Опперпутом, называвшем себя в МОЦР Стауницем и Касапкиным. Последствием этого разоблачения стал ряд статей, обрушившихся на евразийское движение с обвинениями в сотрудничестве с органами ГПУ. Одной из таких статей стала заметка рижского корреспондента Н. Курганского, писавшего о том, что Сувчинский «в результате своей таинственной поездки в Берлин и переговоров, которые он там вел, заключил с большевиками какой-то договор» [16, с. 378]. Эта корреспонденция вызвала особое раздражение у П. Н. Савицкого. Как отмечает И. Шевеленко, статья Н. Курганского не только выражала, но и формировала комплекс слухов вокруг евразийства. При этом П. Н. Савицкий упоминает о несдержанности П. П. Сувчинского и его помощников в разглашении евразийских секретов [16, с. 378].

Собрав все факты воедино, а именно – обязательный характер исполнения директив, приходивших из Москвы с учетом местных условий, принятие работников «Треста» в евразийские ряды, их участие в евразийских совещаниях с правом голоса, а также избрание в члены руководящего органа – евразийского совета, организация поездок в Россию посредством «Треста», распространение евразийской литературы через «Трест», можно придти к выводу о непосредственной вовлеченности, установления тесного сотрудничества чекистов не только с рядовыми евразийцами, но и с партийной верхушкой. Доступ к информации о конспиративной деятельности евразийцев обеспечил ОГПУ. Кроме того, операция «Трест», организованная ОГПУ, нанесла определенный удар по евразийству, дав почву для еще большей критики движения, которой в среде русской эмиграции было немало.

Еще одним фактором, определившим развитие внутренних противоречий в руководстве движения, стало сближение евразийцев с группой А. П. Кутепова, представлявшего сторонников Великого князя Николая Николаевича. Как отмечает М. Ю. Панченко, активным сторонником союза с группой А. П. Кутепова в 1925 – 1926 гг. являлся П. Н. Малевский-Малевич при поддержке П. С. Арапова [10, с. 15]. В конце 1925 года Совет Семи был заменен Советом Евразийства, в состав которого вошли члены бывшего Совета Пяти. В центральном аппарате утверждались 1-й и 2-й отделы, уполномоченные координировать редакционно-идеологическую деятельность и военно-конспиративные мероприятия. В первый отдел вошли Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский; во второй – П. С. Арапов, П. Н. Малевский-Малевич и полковник лейб-гвардии Семеновского полка А. А. Зайцов.

В период января 1926 – марта 1927 гг. усиление влияния подчиненных А. П. Кутепова, в частности А. А. Зайцова, который был личным помощником А. П. Кутепова и личным другом казначея евразийского движения, явилось причиной начавшегося противостояния между П. Н. Савицким и П. П. Сувчинским. Это противостояние было связано с борьбой, развернувшейся вокруг включения в первой половине 1926 г. А. А. Зайцова в Евразийский Совет. П. Н. Малевский-Малевич, П. С. Арапов, П. П. Сувчинский выступали за включение А. А. Зайцова в Совет, тогда как П. Н. Савицкий был против расширения состава руководящего органа движения. Отметим, что сам П. Н. Савицкий дает оценку деятельности П. Н. Малевскому-Малевичу: «Сам ПНММ действует в этой связи как агент А. А. Зайцова и тем самым Кутепова, но не как евразиец. Он втягивает в эти комбинации П. С. Арапова» [5, с. 254]. Но на данном этапе расхождения евразийцев не носили принципиального характера, как и деятельность П. П. Сувчинского в качестве лидера парижского (кламарского) отделения, члены которого придерживались уже в тот период левых воззрений.

Отдельно следует сказать о личном общении членов парижского отделения Д. Святополк-Мирского, П. Сувчинского и С. Эфрона с советским писателем М. Горьким. Установлению контактов способствовала работа над выпуском литературного журнала «Версты» (Д. Святополк-Мирского, П. Сувчинского, С. Эфрона). Исследователями отмечается благосклонное отношение М. Горького к работе редколлегии [13, с. 244]. С 1927 года устанавливается личный контакт с писателем по инициативе Д. Мирского и П. Сувчинского. Как показывает Н. Н. Примочкина, непримиримость позиций собеседников была связана только с религиозным вопросом, категорично отвергаемым М. Горьким [13, с. 248]. Благодатная почва для утверждения своих леворадикальных воззрений, которые нашли свое полное воплощение на страницах газеты «Евразия». Следующий момент, требующий детального изучения – исследовательская позиция А. Бросса. Автор высказал предположение: «убедительно аргументирую свои выводы, о том, что К. Б. Родзевич (член парижского отделения) являлся советским агентом» [3, с. 226 – 247]. В своей совокупности данные факты указывают на истоки леворадикального евразийского уклона, усматриваемые в связях с представителями различных кругов Советской России.

Литература

1. А. Б. Евразийцы и «Трест» // Возрождение. – Париж, 1953. – Тетрадь № 30. – С. 117 – 127.
58. Арапов, П. С. Письмо П. Н. Савицкому / П. С. Арапов // ГАРФ. Ф.5783. Оп.1. Ед. хр. 406. Л. 28 – 29.
59. Бросс, А. Групповой портрет с дамой. Глава из книги «Агенты Москвы» / А. Бросс // Иностранная литература. – 1989. – № 12. – С. 226 – 247.

60. Войцеховский, С. Л. Трест / С. Л. Войцеховский. – Канада, 1974. – 193 с.
61. Заметки П. Н. Савицкого о «Тресте» // Политическая история русской эмиграции 1920 – 1940 гг. Документы и материалы / под ред. проф. А. Ф. Киселева. – М., 1999. – 776 с.
62. Записка К. А. Чхеидзе о его пребывании в Клараме // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 150 – 156.
63. Из докладной записки помощника начальника КРО ОГПУ В. А. Стырне начальнику КРО ОГПУ Ф. Х. Артузову о контрразведывательных операциях «Ярославец» и «Трест» // Политическая история русской эмиграции 1920 – 1940 гг. Документы и материалы.
64. Очерки истории Российской внешней разведки. – М.: Международные отношения, 2006. – Т. 2. – 272 с.
65. Памятная записка Н. А. Дунаева о его пребывании в Клараме // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 149 – 150.
66. Панченко, М. Ю. Политическая история евразийского движения 1926 – 1929 гг. Фракционная борьба и Кларамский раскол: автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. Ю. Панченко. – СПб., 2007. – 27 с.
67. По поводу кларамской манеры ведения идеологических разговоров // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 157 – 163.
68. Постановление «Совета Пяти» об отношении с «Трестом» // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 72 – 74.
69. Примочкина, Н. Н. Эти евразийцы – люди крупного калибра (П. Сувчинский, Д. Святополк-Мирский. С. Эфрон) / Н. Н. Примочкина // Горький и писатели русского зарубежья. – М., 2003. – 364 с.
70. Пряшников, Б. Незримая паутина / Б. Пряшников. – Нью-Йорк, 1979. – 396 с.
71. Савицкий, П. Н. Запись разговора с «кларамцем» К. Б. Родзевичем / П. Н. Савицкий // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 117.
72. Шевеленко, И. Д. К истории евразийского раскола 1929 года / И. Д. Шевеленко // Stanford Slavic Studies. – Stanford, 1994. – Vol. 8. – P. 376.